

Отсюда было ясно, каких баснословных денег требует учеба.

Когда-то он пошел в школу с одной-единственной целью: выучить пару сотен иероглифов, чтобы в будущем не гнуть спину в поле, как обычный крестьянин, а устроиться счетоводом в уездный город.

Но никто не ожидал, что Е Цзюньшу с малых лет окажется таким смысленным — к наукам у него был настоящий дар. Учитель, ценя талант, уделял ему особое внимание. А когда отец с матерью услышали от наставника, что при должном усердии их сын может дослужиться как минимум до звания «цзюйчжэн» (вторая ученая степень), они, не раздумывая, решили тянуть его учебу любой ценой.

Увы, судьба распорядилась иначе, и теперь он, скорее всего, не оправдает их великих надежд.

Мало того что сейчас у него не было ни сил, ни времени на учебу — даже будь они, ему совсем не улыбалось десять лет просиживать штаны за книгами, чтобы потом погрязнуть в чиновничьих интригах. Простая, спокойная жизнь казалась ему куда заманчивее.

Вот вырастит он Пятого и Шестого, поможет им обзавестись семьями, а там и сам войдет в возраст. Найдет себе милого сердцу гэра, заключит союз, и проживут они остаток дней душа в душу — чем не счастье?

А что до славы рода... Что ж, он может вырастить ученого из Сяо Шаня. Если у того не лежит душа к книгам, есть еще Пятый. А если и с ним не выйдет — воспитает следующее поколение. Рано или поздно в семье Е появится тот, кто сменит крестьянский плуг на кисть и превратит их дом в обитель просвещения.

Тем временем Е Цзюньчжи, услышав ответ Е Цзюньшу, пришел в неопишуемый восторг. Он возбужденно потирал руки и, запинаясь от радости, лепетал:

— Тогда... брат Цзычжоу, что мне делать? С чего начинать?

Е Цзюньшу с улыбкой успокоил его:

— Ничего особенного. Сяо Шань тоже только начал, так что для начала будете вместе учить иероглифы.

— Есть! — выкрикнул Ачжи, сияя от счастья.

К счастью, расчищенный на земле пятачок с песком был достаточно просторным. Е Цзюньшу велел Сяо Шаню и Ачжи занять по одной стороне, чтобы они могли видеть работу друг друга и общаться. Сначала он показал Ачжи те иероглифы, которые Сяо Шань уже освоил, наказав спрашивать, если что-то непонятно, а сам Сяо Шань продолжил практиковаться.

Глядя на них, Е Цзюньшу подумал: «Раз уж я взялся за их обучение с прицелом на государственные экзамены, нельзя подходить к делу спустя рукава». Он припомнил, как учился сам, и решил совместить традиционные методы с современными педагогическими приемами, составив четкий учебный план.

В этот момент от ворот донесся чей-то голос.

Е Цзюньшу вышел и с легким удивлением воскликнул:

— Дядя Жун?

К ним пожаловал старейшина деревни — Е Юйжун. Хоть они и носили одну фамилию, их родственные связи терялись где-то за пределами третьего колена, поэтому близкими их отношения назвать было нельзя. Это был первый визит старосты после похорон отца Е.

Цзюньшу не знал цели визита, но вежливо пригласил гостя в дом и усадил на почетное место в главной комнате.

— Простите, дядя Жун, в доме совсем нечем вас угостить, — он подал старику чашку теплой воды, проявив ровно ту долю почтения и извинения, которая была уместна.

Староста обладал природным достоинством и был человеком суровым, так что молодежь в его присутствии обычно стояла по стойке смирно. Спокойное и уверенное поведение Е Цзюньшу явно произвело на него хорошее впечатление.

«Похоже, череда бед не сломила парня, а лишь закалила его дух», — подумал старейшина. — «Если дать ему шанс, из него выйдет толк».

По мнению Жун-бо, истинную цену человека можно узнать лишь в беде: поплывет ли он по течению или станет бороться. Старейшина и раньше возлагал на юношу надежды, а теперь окончательно утвердился в желании помочь.

— Чжоу-цзы, по поводу того дела, о котором тебе на днях говорили Пин-аму и остальные...

— Дядя Жун! — Е Цзюньшу слегка изменился в лице.

Неужели снова пойдет речь о том, чтобы отдать Пятого и Шестого чужим людям? Он уже открыл рот, чтобы возразить, но староста усмехнулся:

— Я знаю, что ты скажешь. Не торопись, дай мне договорить.

Е Цзюньшу смущенно улыбнулся. Он-то думал, что староста пришел за тем же! Он ценил заботу старших, но поступить так не мог. Старейшина отхлебнул воды и неспешно продолжил:

— Раз ты твердо решил растить малышей сам, то держись до конца, как бы трудно ни пришлось. Любую беду можно пережить, а когда самое тяжелое время останется позади, жизнь наладится. Урожай в этом году в деревне небогатый, семьи живут внатяжку, так что большой помощи не жди — надейся в основном на себя.

— Дядя Жун, я знаю, что делаю, — искренне ответил Е Цзюньшу.

Староста выудил из-за пазухи потертый серый кошелек и протянул юноше:

— Это вчера принес У-цзы, его жалованье за месяц. Нам, старикам, дома много не надо, так что возьми на первое время. Отдашь, когда встанешь на ноги, мы не торопим.

Старейшина сказал это так, что отказ не принимался. Если бы он просто давал деньги в дар, Цзюньшу мог бы отказаться, но в долг — другое дело. Ему действительно отчаянно нужны были средства. Он принял кошелек и пообещал:

— Как только начну зарабатывать, первым делом верну всё вам.

Старейшина кивнул, ни секунды не сомневаясь в честности парня. Его радовало, что Цзюньшу

умеет быть гибким. Старик недолюбливал книжников, которые готовы были умереть с голоду ради мифической «гордости». К чему благородство, если в животе пусто? К счастью, Чжоу-цзы не был таким буквоедом.

— Ты сейчас во дворе учил Сяо Шаня и Ачжи грамоте? — вдруг спросил старейшина.

— Да, всё равно я привязан к дому из-за малышей, а Сяо Шаню как раз пора начинать обучение. Вот и занимаемся помаленьку.

Старейшина на мгновение задумался.

Е Цзюньшу заволновался: неужели он что-то делает не так? Или в обучении братьев есть какая-то проблема? И тут его осенило.

«Неужели...» — подумал он с затаенной надеждой.

— Чжоу-цзы, если я попрошу тебя учить деревенских детей грамоте, ты согласишься?

«Так и есть!» — мелькнуло в голове.

— Но... дядя Жун, я ведь всего лишь «туншэн», у меня нет даже официальной степени. Могу ли я брать на себя роль наставника? Да и молод я еще, опыта совсем нет.

— Им не степени получать, им бы хоть буквы знать, чтоб в городе их никто вокруг пальца не обвел, — отрезал староста. — Я знаю, что тебе сейчас не с руки ездить в уезд за покупками. Давай так: я объявлю в деревне, что те, кто захочет прислать детей на учебу, будут платить тебе натурой. Кто мукой, кто зерном, кто тканью — всем, что в хозяйстве пригодится. Пусть каждый дает по силам.

Е Цзюньшу в душе был готов согласиться хоть сию секунду, но оставалось одно сомнение:

— Дядя Жун, вы же знаете, на мне сейчас тяжелый траур. Не побоятся ли дяди и тетушки присылать детей? Вдруг сочтут это дурным знаком?

В период траура по родителям не принято заходить в чужие дома, чтобы не навлечь беду. К ним и так сейчас почти никто не заходит, кроме Мин-аму и Ачжи. Захотят ли другие родители, чтобы их дети переступали этот порог?

— Это не беда. Твои родители были нашими, деревенскими, никто не сочтет это за оскорбление духов. Те, кому действительно нужно ученье, пришлют детей несмотря ни на что.

— Раз вы так говорите, я спокоен. Если вы доверяете мне, я с радостью возьмусь. Но, дядя Жун, не стоит ли сначала спросить самих жителей?

Староста ответил с уверенностью: — Желаящие найдутся, помани мое слово. Тебе нужно как-то подготовиться?

— Нужно подготовить угольные карандаши и песочницы, это я сделаю сам. А вот со столами и лавками беда — у меня их в доме раз-два и обчелся, на всех не хватит. И еще: Лу-гэр еще не до конца оправился от простуды. Не ровен час, заразит кого. Давайте начнем занятия, когда он окончательно поправится.

Старейшина согласился:

— Идет. С мебелью я помогу, как раз будет время всё подготовить, пока малец поправляется.

На том и порешили. Обсудив детали, старейшина, явно довольный собой, заложил руки за спину и ушел. Е Цзюньшу тоже ликовал. Идея старосты решала ворох проблем: на время можно было забыть о поисках еды, а Сяо Шань и Лу-гэр не будут чувствовать себя изгоями среди сверстников. Он очень боялся, что за время траура они совсем одичают и отдалятся от деревенской жизни.

Сейчас он был заперт дома: и из-за младенцев, и из-за траурного лоскута на поясе. С этим символом скорби в уезде от него бы шарахались за три шага, а из лавки могли и вовсе вымести метлой. А теперь школа сама придет к нему!

— Брат, ты правда откроешь школу и будешь учить детей? — Лу-гэр тихо подошел и заглянул брату в лицо. Видимо, он слышал весь разговор.

— Правда, — улыбнулся Е Цзюньшу.

Он верил, что со старостой за спиной всё получится. Надо же, он так долго искал выход, а тот нашелся в книгах. Знание — действительно сила.

— Но... это не мешает тебе готовиться к экзаменам? — обеспокоенно спросил Лу-гэр.

Цзюньшу погладил его по голове:

— Брат больше не будет сдавать экзамены. У меня теперь есть дела поважнее.

Глаза Лу-гэра наполнились слезами: — Это из-за нас, да?

— Вовсе нет! — Цзюньшу поспешил успокоить впечатлительного ребенка. — Лу-гэр, даже будь отец и мать живы, я бы, наверное, передумал. Я — старший сын, на мне ответственность за семью. И я счастлив, что вы у меня есть, так что даже не думай о плохом.

— Но ты ведь такой умный...

— Глупыш, в мире полно людей умнее меня. И экзамен — дело случая, не факт, что я бы его сдал.

— Брат точно всё сдаст! — Лу-гэр сжал маленькие кулачки и решительно выкрикнул это на всю комнату.

Е Цзюньшу не выдержал и рассмеялся: — Ну ладно, ладно. Я знаю, что в твоих глазах старший брат самый великий и могучий.

— Брат! — Лу-гэр смутился и сердито притопнул ногой. — Я серьезно!

— Да верю я, верю. Но послушай, Лу-гэр: когда я учу других грамоте, я и сам повторяю всё заново. Так что это мне только на пользу, честное слово.

Малыш озадаченно призадумался. Брат не выглядел так, будто просто отмахивается от него, и в его словах была логика.

— Правда не мешает твоей учебе? — на всякий случай переспросил он.

— Истинная правда, — с самым серьезным видом заверил его Е Цзюньшу.

— Ну, тогда ладно, — Лу-гэр наконец перестал сопротивляться.

Е Цзюньшу потрепал его по волосам, мягко улыбаясь своим мыслям.

<http://bllate.org/book/15226/1343844>